

Рѣчь предѣ защитой диссертациі „Нравственное сознаниѣ человѣчества“.

Въ наукѣ, имѣющей за собою продолжительную исторію, первой задачей каждаго новаго работника является—правильно опредѣлить, такъ сказать, точку приложенія своихъ научныхъ усилій, найти тотъ пунктъ, до котораго доведено и съ котораго должно быть продолжено разрѣшеніе вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію данной науки. Если извѣстная область изысканій по существу дѣла не бесплодна, и если въ этой области, какъ въ этикѣ, работали величайшіе мыслители древняго и новаго міра, то уже а priori можно утверждать, что здѣсь сдѣланы какія-либо пріобрѣтенія, которыя прежде всего и нужно сознательно усвоить, чтобы продолженіе работы могло быть плодотворнымъ. Въ ученіи о нравственности издавна опредѣлились два основныхъ направленія: одно изъ нихъ постоянно отстаивало ту мысль, что нравственность въ томъ или иномъ смыслѣ есть первичный, неразложимый фактъ, который даетъ себя знать въ непосредственной достовѣрности нравственнаго сознанія; другіе напротивъ хотятъ разложить нравственность на составные элементы и вывести ее изъ болѣе общихъ психологическихъ факторовъ; одно направленіе сказало свое послѣднее слово въ кантіанствѣ, другое—въ разнообразныхъ опытахъ эмпирическаго изученія морали. Повидимому задача новаго изслѣдователя проста: онъ долженъ опредѣлить, какая изъ этихъ двухъ сторонъ права, чтобы затѣмъ продолжать ея работу. Въ дѣйствительности, однако дѣло совсѣмъ не такъ

просто: каждое изъ этихъ направленій имѣетъ свои заслуги предъ наукой, и каждое связано съ такими существенными интересами, которыми безусловно нежелательно жертвовать. Одно стоитъ въ соотвѣтствіи съ наиболѣе чистымъ содержаніемъ нравственнаго сознанія и даетъ его требованіямъ внутреннюю убѣдительность; другое отвѣчаетъ стремленію човѣческаго ума отыскивать причины и условія явленій. Въ виду этого, прежде чѣмъ выбросить за бортъ какое-либо изъ основныхъ направленій этики, естественно спросить себя, нельзя ли до извѣстной степени ихъ примирить, взявъ у cadaго то, въ чемъ состоитъ его сила. Сила эмпирической школы заключается въ выясненіи психологическаго и историческаго генезиса, но зато этой школѣ не удалось, да, кажется, и никогда не удастся установить, почему я долженъ поступать такъ, а не иначе. Разсужденія о томъ, какъ именно сложилось нравственное сознаніе, сами по себѣ еще ни къ чему меня не обязываютъ, если только не разрушаютъ самую обязанность. Съ другой стороны, кантіанство хочетъ выяснить намъ именно вопросъ о долгѣ, о его внутренней сущности и основаніи, но очень мало даетъ для научнаго выясненія генезиса морали. Все это даетъ надежду на возможность примиренія между двумя школами: невольно напрашивается мысль, что, можетъ быть, каждая изъ нихъ права въ своей сферѣ, и что эти сферы совсѣмъ другъ друга не исключаютъ.

Но тутъ можетъ явиться опасеніе, не внесетъ ли это совмѣщеніе двухъ разнородныхъ точекъ зрѣнія двойственности въ научное изслѣдованіе. Мы сказали вѣдь, что одна школа видитъ въ нравственности первичный и неразложимый фактъ, другая, наоборотъ, хочетъ вывести этотъ фактъ изъ предшествующихъ ему условій и разложить его на составные элементы. Возможно ли тутъ какое-нибудь примиреніе? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, мы должны посмотрѣть, не можетъ ли въ самой природѣ изучаемаго явленія найтись оправданіе для такого двойственнаго къ нему отношенія въ наукѣ? Нѣтъ ли здѣсь двухъ различныхъ сторонъ, которыя бы позволяли обѣимъ точкамъ зрѣнія оставаться правильными и законными? Даже не вдаваясь въ глубокой анализъ фактовъ, легко убѣдиться, что это дѣйствительно такъ. Возьмемъ чувство долга—это единственное основаніе моральнаго поступка по Канту. Ко-

нечно, поскольку это чувство служить проявленіемъ разумнаго самосознанія, оно выражаетъ собою какъ бы непосредственную моральную очевидность, которую нельзя разлагать на элементы. Но если мы посмотримъ на дѣло психологически, то найдемъ, что проявленія долга сказываются въ извѣстномъ внутреннемъ принужденіи, которое наиболѣе остроумные современные психологи очень удачно свели къ двигательной силѣ идей, къ механическому давленію идеи на волю. Можно доказывать, какъ это я и дѣлаю въ другомъ мѣстѣ, что отъ такого объясненія въ концѣ концовъ ускользаетъ самая сущность понятія—каждый разъ въ тотъ моментъ, когда мы повидимому были уже готовы ее схватить: давленіе идеи на волю не можетъ быть само по себѣ нравственнымъ мотивомъ, но было бы напрасно отрицать, что въ реальномъ фактѣ, который мы называемъ нравственностью, есть дѣйствительно элементъ, который объясняется этой теоріей и который въ сущности признается и Кантомъ подъ именемъ внутренней дисциплины или внутреннего принужденія.—Само по себѣ нравственное сознаніе не можетъ быть сведено всецѣло къ какой-либо потребности, инстинкту или влеченію, потому что такое воззрѣніе въ концѣ концовъ упраздняетъ нравственную точку зрѣнія, которая судить самыя потребности и, слѣдовательно, стоитъ выше ихъ. Но съ другой стороны, это также несомнѣнный фактъ, что нравственность, помимо всего прочаго, присуща намъ и какъ потребность, которая ищетъ своего удовлетворенія и сказывается, какъ психологическая сила, съ нѣкотораго рода слѣпою необходимостью; то обстоятельство, что мы можемъ возвести эту необходимость къ высшей категоріи—категоріи разумнаго долга, не можетъ давать намъ право на ея отрицаніе.—Можно, конечно, сказать, что эта обще-психологическая сторона морали, остающаяся всецѣло въ области эмпирическаго изученія, есть лишь случайный элементъ, на который наука о нравственности можетъ не обращать вниманія. Такое воззрѣніе однако будетъ не совѣтъ точно. Когда мы беремъ понятіе о нравственности въ строгомъ смыслѣ, этотъ обще-психологическій моментъ ни въ какой мѣрѣ еще не входитъ въ нее и значить даже названія случайнаго въ ней не заслуживаетъ. Но это обособленіе морали въ строгомъ смыслѣ слова есть лишь наша абстракція, ме

тодологическій приемъ для того, чтобы добыть въ чистомъ видѣ, такъ сказать, не встрѣчающійся въ природѣ элементъ. Если же мы возьмемъ не только нравственные поступки, но и нравственныя настроенія въ томъ видѣ, какъ они намъ даны, въ реальныхъ фактахъ, то увидимъ, что чисто-психологическая сторона составляетъ въ этомъ случаѣ вовсе уже не случайный, а постоянный и необходимый элементъ. Нравственность въ строгомъ смыслѣ этого понятія есть какъ бы неуловимая идея, которая воплощается въ насъ лишь при помощи психологическаго механизма, и этотъ послѣдній имѣетъ до такой степени важное значеніе для науки, что безъ него мы не имѣли бы необходимыхъ наглядныхъ схемъ, въ которыя наша мысль могла бы облечь свои даже чисто апріорныя изысканія. Читатель моей книги можетъ видѣть, какъ психологическія воззрѣнія Фулье, Гюйо, моего уважаемаго оппонента И. В. Попова постоянно давали мнѣ точку отправленія при изслѣдованіи апріорной стороны морали.

Если мы отъ анализа нравственнаго сознанія, какъ даннаго, переходимъ къ его исторіи, то встрѣчаемся опять съ тѣмъ же явленіемъ. Самъ по себѣ разумъ не имѣетъ исторіи: онъ стоитъ внѣ условій пространства и времени; напр., положеніе, что $a=a$, есть нѣчто, такъ сказать, самодовлѣющее, независимое ни отъ какихъ историческихъ прецедентовъ. Но посмотримъ на дѣло съ другой стороны. У существа, состоящаго, какъ человѣкъ, не изъ одного разума, послѣдній можетъ проявляться и не проявляться; можетъ проявляться въ менѣ совершенной и въ болѣе совершенной степени; и все человѣчество и отдѣльный человѣкъ не сразу приходятъ въ этомъ отношеніи въ мѣру возраста совершенна. Это значитъ, что *проявленіе* разумаго самосознанія имѣетъ свою исторію. Причины этого, конечно, не могутъ заключаться въ самомъ разумѣ, который *in abstracto* есть нѣчто, всегда себѣ равное, а лежатъ въ психологической природѣ человѣка, которая лишь постепенно вырабатываетъ все болѣе и болѣе совершенныя условія для разумной жизни. Такимъ образомъ и на этотъ разъ можно сказать, что практическій разумъ переходитъ изъ абстрактной потенціи въ реальную дѣйствительность при помощи психологическаго механизма.

Итакъ обще-психологическій моментъ не можетъ быть рассматриваемъ, какъ случайный придатокъ морали: онъ долженъ быть названъ необходимымъ коррелятомъ или психологическимъ предвареніемъ нравственнаго сознанія, обуславливающимъ собою самое существованіе послѣдняго. Но тутъ можетъ явиться опасеніе, не упраздняетъ ли это точка зрѣнія самую нравственность въ строгомъ значеніи слова? Не остается ли въ этомъ случаѣ практическій разумъ чѣмъ-то безусловно призрачнымъ и недѣйствительнымъ на поверхности психологическихъ процессовъ? Вносить ли онъ что-либо отъ себя въ человѣческое поведеніе? Вопросъ очевидно въ томъ, какъ мы должны мыслить отношеніе психологической и разумной причинности? Правда, что наука ничего не можетъ сказать о томъ, какъ именно совершается переходъ отъ низшей причинности къ высшей, и какъ послѣдняя можетъ нѣчто прибавлять отъ себя къ первой. Но мы во всякомъ случаѣ можемъ указать одну аналогію, которая, если не объясняетъ, то, по крайней мѣрѣ, даетъ возможность мыслить это совмѣщеніе двухъ видовъ причинности въ одномъ и томъ же явленіи. Я имѣю здѣсь въ виду отношеніе психологическихъ процессовъ къ физиологическимъ. Несомнѣнно, что мы должны считать *непрерывнымъ* рядъ физиологическихъ причинъ, и теорія, утверждающая, что каждому душевному явленію соотвѣтствуетъ физиологическій процессъ, рано или поздно сдѣлается общепринятою научной истиной. Однако мы должны признать, что на известной ступени къ физиологической причинности присоединяется психологическая, не какъ призрачная видимость, а какъ реальный фактъ, приносящій нѣчто отъ себя къ органическимъ процессамъ. Иначе пришлось бы допустить, что человѣческая жизнь со всѣми ея разнообразными проявленіями, могла бы быть тѣмъ, что она есть, даже помимо сознательныхъ процессовъ, и вашъ покорный слуга могъ бы въ данную минуту говорить вамъ о взаимоотношеніи физиологической и психологической причинности, не имѣя въ своей головѣ не только никакой мысли, но и никакого сознанія, какъ нѣкотораго рода автоматическій говорящій аппаратъ. Нелѣпость этого предположенія заставляетъ насъ признать, что психическая жизнь приносить нѣчто отъ себя къ нашей дѣятельности, хотя мы рѣшительно не въ

состояніи представить себѣ, какъ возможенъ переходъ отъ чисто фізіологическаго къ психологическому и обратно. Точно также мы должны допустить, что хотя цѣль психологическихъ причинъ нигдѣ не прерывается, но есть пункты, въ которыхъ она испытываетъ на себѣ вліяніе высшей причинности моральной, которая причину въ обычномъ смыслѣ слова превращаетъ въ разумное основаніе, такъ что послѣднее, будучи разсматриваемо, какъ психологическій фактъ, имѣетъ и свои психологическіе прецеденты, но съ своей внутренней, логической стороны есть иѣчто безусловно независимое отъ этихъ прецедентовъ. Въ этомъ смыслѣ разумная причинность и есть не что иное, какъ нравственная свобода. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь ниже.

Въ виду изложенныхъ соображеній я старался въ своей книгѣ отстоять права двухъ точекъ зрѣнія — кантіанства и эмпиризма, показавъ тѣ сферы, въ которыхъ каждая изъ нихъ должна имѣть свое примѣненіе. Мнѣ хотѣлось бы при этомъ, хотя кратко, указать на то, что это совмѣщеніе двухъ точекъ зрѣнія отнюдь не есть съ моей стороны новаторство. И прежде всего я думаю, что такъ именно смотрѣлъ на дѣло самъ Кантъ. Задача Кантовой философіи состояла въ обоснованіи извѣстныхъ положеній, а не въ объясненіи генезиса; вотъ почему мы не найдемъ у него развитія какихъ-либо эмпирическихъ теорій. Но весьма важно отмѣтить, что *все* идеи Кантъ считалъ *приобрѣтенными* и значить подлежащими психологическому объясненію; вотъ почему эмпирическія изслѣдованія Локка онъ прямо называетъ полезными, поскольку рѣчь идетъ лишь о фактѣ существованія понятій, а не объ ихъ правѣ на признаніе или о ихъ достовѣрности. Въ частности относительно практическаго разума, поскольку онъ есть *de facto* данная у человѣка способность моральнаго сужденія, Кантъ говоритъ: „конечный практический разумъ... по крайней мѣрѣ, какъ *естественно* *приобрѣтенная способность*, никогда не можетъ быть *вполнѣ* законченнымъ“ ¹⁾. Послѣдователи Канта, съ своей стороны не

1) Kritik. d. praktischen Vernunft, hrsg. v. Kirchmann. S. 38. Намъ кажется, что это мѣсто превосходитъ по своей доказательности все то, что въ подтвержденіе той же мысли изъ разныхъ сочиненій Канта собралъ Вольфмандъ. См. его System d. moralisch. Bewusstseins.

одинъ разъ указывали на необходимость объединенія апріоризма и эмпиризма, но что касается именно морали, то здѣсь была сдѣлана лишь одна, да и то слабая попытка практически осуществить это объединеніе; разумѣю книгу *Wolffmann's System d. moralischen Bewusstseins* ¹⁾.

Итакъ законность совмѣщенія двухъ точекъ зрѣнія я могу считать доказанною. Теперь мнѣ хотѣлось бы сказать хотя нѣсколько словъ о моемъ отношеніи къ каждой изъ нихъ въ частности.

Въ одной журнальной рецензіи было сказано о четвертой главѣ моей книги (когда она была напечатана въ Б. В.), что я здѣсь только излагаю Канта, стараясь освободить его отъ лжетолкованій. Я долженъ рѣшительно подчеркнуть неточность такой характеристики, потому что при такомъ воззрѣніи на дѣло можетъ получиться что-нибудь одно изъ двухъ: читатель, незнакомый съ Кантомъ, вынесетъ изъ моей книги превратное представленіе объ ученіи этого философа, а читатель, хорошо его знающій, станетъ обвинять меня въ грубомъ искаженіи мысли Канта. Ставъ на кантіанскую точку зрѣнія, я отнюдь не преслѣдовалъ цѣли—дать точное воспроизведеніе ученія историческаго Канта, и если въ большинствѣ случаевъ мысль моя остается дѣйствительно вѣрной Канту, то это получалось безъ специальныхъ съ моей стороны усилій—во что бы то стало согласоваться съ нимъ; но поэтому же самому я считалъ себя въ правѣ не только отступать отъ Канта въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ, но и поставить себѣ определенную границу въ усвоеніи его мысли.

Этика Канта имѣетъ критическій характеръ лишь по своему исходному пункту, для того чтобы тотчасъ же перейти въ метафизику. Сведя достовѣрность моральнаго долга къ законодательству разума, Кантъ вслѣдъ затѣмъ помѣщаетъ разумное „я“, какъ субъектъ моральнаго самоопредѣленія, въ интеллигибельный міръ, такъ что самая нравственность у него есть проявленіе умопостигаемаго начала въ феноменальномъ бытіи; такимъ образомъ, „я“, какъ субъектъ мо-

¹⁾ Называю эту попытку слабою не затѣмъ, чтобы унижить научное значеніе книги, а только въ виду того, что собственно вопросу о происхожденіи нравственнаго сознанія здѣсь отведено очень мало мѣста.

рального дѣйствованія, принадлежитъ собственно не міру явленій, а міру вещей въ себѣ. Составило бы очень благодарную задачу показать, что этотъ неожиданный, повидимому, переходъ въ ноуменальную сферу отнюдь не представляетъ собою такого отчаяннаго сальто-мортале, какъ это кажется многимъ критикамъ Канта, однако во всякомъ случаѣ здѣсь мы уже переходимъ границу научной достовѣрности для того, чтобы вступить въ ту область, гдѣ возможны лишь субъективныя гаданія. Между тѣмъ критическое обоснованіе морали на разумномъ самосознаніи, если даже и не принимать такого обоснованія въ качествѣ несомнѣнной научной истины, все же должно быть оцѣниваемо, какъ плодотворная научная гипотеза. Нельзя отрицать того, что моральная проблема обнаруживаетъ неудержимое стремленіе увлекать насъ въ область метафизики, и мы совсѣмъ не хотимъ отрицать права послѣдней въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Но въ научной разработкѣ морали нужно поставить предѣлъ указанному стремленію—такъ же, какъ онъ признанъ въ теоретическомъ знаніи: вѣдь несомнѣнно, что и теоретическое познаніе стремится перейти границу опыта и пуститься въ область метафизики; но здѣсь уже давно (и главнымъ образомъ благодаря Канту) поставленъ предѣлъ, за которымъ построенія мыслителей, какую бы субъективную цѣну они ни имѣли, теряютъ право на имя научныхъ изысканій. Такой же предѣлъ я пытался соблюсти и въ этикѣ. Какъ бы мы ни смотрѣли на дѣло, логическое сознаніе есть дѣйствительный фактъ, и поскольку апіорное обоснованіе морали сводится къ этому факту, оно не выходитъ изъ предѣловъ научнаго изслѣдованія. Но когда, подъ видомъ неизбѣжныхъ предположеній этого же факта, появляется на сцену цѣлый міръ ноуменовъ, то научное объясненіе уступаетъ мѣсто сплошной метафизикѣ, отъ которой мы считаемъ нужнымъ воздержаться.

Однако такое ограниченіе этической теоріи Канта нуждается въ нѣкоторомъ оправданіи. У Канта метафизика до такой степени тѣсно связана съ самою сущностью моральной проблемы, что во всякомъ случаѣ долженъ быть поставленъ вопросъ, мыслима ли кантіанская этика безъ того метафизическаго продолженія, какое даетъ ей самъ Кантъ?—Обстоятельство, заставившее Канта искать въ метафизикѣ усло-

вѣи возможности морали, заключалось въ понятіи свободы, какъ необходимаго предположенія нравственности. Въ мірѣ явленій все съ необходимостью предопредѣлено предшествующими условіями. Между тѣмъ нравственный законъ есть законъ свободы. Какимъ образомъ совмѣстить эти два положенія? Кантъ думаетъ, что для этого остается только одно средство—помѣстить свободу въ область вещей въ себѣ. Вотъ главное побужденіе, заставившее Канта перенести рѣшеніе моральнаго вопроса на метафизическую почву. Мы полагаемъ однако, что способъ, къ которому прибѣгъ Кантъ въ этомъ случаѣ, только увеличилъ количество и серьезность затрудненій, вмѣсто того чтобы ихъ устранить, и что для этого есть другой путь, хотя и не столь заманчивый съ виду, зато болѣе надежный. Правда, въ такихъ принципиальныхъ вопросахъ, какъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, очень трудно обойтись безъ понятія „вещи въ себѣ“; но нужно по крайней мѣрѣ относиться къ нему, какъ къ неизбѣжной предѣльной чертѣ, ограничивающей опытъ, той чертѣ, за которою наука въ собственномъ смыслѣ слова кончается. Такое именно значеніе имѣетъ понятіе вещи въ себѣ для теоретической философіи Канта; но въ практической философіи онъ, не смотря на усиленные увѣренія въ противномъ, разрушилъ эту поставленную имъ же границу. Итакъ, нельзя ли мыслить понятіе свободы такимъ образомъ, чтобы оно не увлекало насъ съ неизбѣжностію въ самый міръ ноуменовъ? Намъ кажется, что именно Кантовская философія даетъ право отвѣчать на это утвердительно. Единственное понятіе свободы, которое послѣдовательно вытекаетъ изъ Критики чистаго разума, таково, что свобода есть внутренняя причинность и въ такомъ смыслѣ она не только не противопоставляется необходимости, а скорѣе совпадаетъ съ нею. Но единственный видъ причинности, который открывается нашему сознанію, какъ причинность *внутренняя* въ строгомъ смыслѣ слова,—есть разумная причинность, которая, поэтому одна только и должна быть названа свободной съ точки зрѣнія кантіанства. Вся антиномія свободы и причинности въ сущности основывается у Канта на томъ, что онъ произвольно сузилъ второе изъ этихъ понятій, сведя его къ *внѣшней* причинности. Я согласенъ, что свобода, понимаемая въ только что указанномъ смыслѣ, не устраняетъ всѣхъ за-

труднѣй и не все объясняетъ въ области этики, но зато я утверждаю, что свобода безразличія, къ которой прибѣгають многіе моралисты, совсѣмъ ничего не объясняетъ и ничего не даетъ, кромѣ затруднѣній. Между тѣмъ, если изъ Кантова понятія свободы, какъ оно дано въ его этикѣ и какъ оно раньше намѣчено въ интересахъ послѣдней, выдѣлить то, что дѣйствительно логически вытекаетъ изъ Критики чистаго разума, то остающійся элементъ будетъ представлять изъ себя не что иное, какъ свободу безразличія, и именно эта свобода безразличія, по которой данное дѣйствіе при наличности однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, могло бы быть и не быть, заставила Канта обратиться къ міру ноуменовъ. Итакъ, не выходя изъ предѣловъ критическаго обоснованія морали, мы должны признать, что свобода, это—такой видъ причинности, гдѣ, какъ я уже говорилъ, причина становится разумнымъ, т. е. въ концѣ концовъ логическимъ основаніемъ. Интересно, что самъ Кантъ въ одномъ мѣстѣ Кр. чист. разума именно такъ опредѣляетъ свободу ¹⁾. Всякій актъ мысли, если его разсматривать какъ психологическій феноменъ, зависитъ отъ предшествующихъ условій, но разсматриваемый съ логической стороны, онъ (поскольку рѣчь идетъ о послѣднихъ принципахъ мышленія) не имѣетъ основаній внѣ себя, у него нѣтъ опоры ни на небѣ, ни на землѣ, какъ выражается Кантъ, эта опора въ немъ самомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и свободенъ. Можно даже сказать, какъ мы видѣли, что „я“, въ качествѣ субъекта логическаго сознанія стоитъ внѣ условій пространства и времени, потому что его принципы независимы отъ обоихъ, вѣчны. Несомнѣнно, что здѣсь именно исходный пунктъ Кантовскаго ученія объ умопостигаемомъ мірѣ ²⁾, и мы присоединяемся въ данномъ случаѣ къ Канту лишь постольку, поскольку признаемъ, что въ разумномъ сознаніи дана новая ступень развитія субъекта, не заключающаяся всецѣло въ предшествующихъ *явленіяхъ*, и истекающая, такимъ образомъ, изъ его *внутренней природы*; но мы не идемъ за Кан-

¹⁾ Cp. Kritik d. reinen Vernunft (*Kant's Werke*, Hrsg. v. Rosenkranz. Leipzig. 1838. B. II) SS. 804—805. Cp. Grundlegung z. Methaphysik d. Sitten. SS. 34—35.

²⁾ Cp. Kritik d. reinen Vernunft, ed. cit, 432—434; cp. 803 и др.

томъ далѣе и ставимъ здѣсь точку, потому что мы достигли предѣльной черты науки.

Теперь я ограничусь лишь нѣсколькими словами о томъ, какія послѣдствія, по моему представленію, имѣетъ для эмпиризма его совмѣщеніе съ апріоризмомъ. Тѣ ограниченія, которыя ставитъ апріоризмъ эмпиризму въ нашемъ изложеніи, нисколько не умаляютъ дѣйствительныхъ правъ этой школы: апріоризмъ лишь восполняетъ одинъ изъ ея неизбѣжныхъ пробѣловъ. Благодаря этому эмпирическое объясненіе морали освобождается отъ одного изъ наиболѣе справедливыхъ упрековъ, которые противъ нея направляются. Противъ всѣхъ вообще опытовъ вывести мораль изъ условій, лежащихъ внѣ ея, справедливо и многократно указывалось, что въ нихъ всегда есть скрытое *petitio principii*: всѣ эти объясненія уже напередъ въ той или иной мѣрѣ вынуждены предполагать объясняемое явленіе, примышляя нѣчто моральное къ тѣмъ факторамъ, изъ которыхъ хотятъ вывести мораль. Такое положеніе дѣла неизбѣжно, поскольку нравственное, представляя собою внутреннее самораскрытіе субъекта подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ воздѣйствій, само не можетъ содержаться всецѣло въ этихъ послѣднихъ, хотя и обусловлено ими въ своемъ проявленіи. Наше объясненіе, какъ намъ кажется, избѣгаетъ даннаго упрека, потому что съ самаго начала признаетъ необходимыя ограниченія эмпирическаго метода и указываетъ ихъ причины. Благодаря этому же обстоятельству, мы не имѣли никакихъ побужденій дѣлать тѣ или инныя урѣзки въ самомъ понятіи о морали, какъ это неизбѣжно дѣлается, когда хотятъ приспособить данное понятіе къ эмпирическому объясненію. Мы очертили понятіе о нравственности со всею присущею ему строгостью и чистотою и затѣмъ попытались показать, въ какой именно мѣрѣ эмпирическое объясненіе можетъ приблизиться къ этому понятію.

Вотъ главныя задачи и цѣли, которыя я старался преслѣдовать въ своей книгѣ. Насколько мнѣ удалось это, предоставляю судить компетентнымъ судьямъ.

Н. Городенскій.
